

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: ПОНЯТИЯ «КРУТОСТЬ» И «ДОБРОДЕТЕЛЬ»

Лебедев В. А., Колычева Т. В.

Украинский государственный университет железнодорожного транспорта, м. Харків

Массовая культура занимает важное место в жизни человека современного мира, но, несмотря на это, механизм ее функционирования и формирования ценностного фонда описан в очень ограниченном количестве. Ее исследованиями занимались Х. Ортега-и-Гассет, М. Мак-Люэн, Ф. Р. Левис, Р. Хогарт, Р. Барт и т.д. Понятие «крутости» (крутизны) является одним из центральных для массовой культуры. Она может присутствовать в форме явной, будучи воплощенной в образах конкретных персонажей, которые будут меняться в зависимости от конкретной эпохи (Рэмбо – для восьмидесятых годов XX века, Нео из «Матрицы» - для девяностых и т.д.). Может содержаться в некоторых неявных чертах, которые, собранные вместе, работают на создание нужного настроения. В целом можно утверждать, что крутость является динамической величиной, способной изменяться в зависимости от социокультурного пейзажа эпохи, моды, конъюнктуры рынка и многого другого. Но как самостоятельное явление, к которому можно (нужно/хочется) стремиться, крутость, очевидно, актуализировалась в XX веке. Рискнем предположить, что это связано с первым послевоенным поколением, за которым закрепилось название «бумеры». Его представители появились на свет в годы послевоенного демографического бума в европейских странах и США. Просто жить в мире для этого поколения в силу объективных причин было уже недостаточно, в отличие от поколения отцов. Они ставили на первое место личный жизненный успех, убеждение, что человека и мир можно улучшить [5, с. 30].

Можно предположить, что крутость – своего рода антипод понятию добродетель. Обе предписывают человеку определенную модель поведения. Разница состоит в том, что добродетель, через труды философов, моралистов, деятелей церкви, официальную пропаганду и проч. указывает человеку, каким он *должен быть*. «Добродетели существуют в нас не от природы и не вопреки природе, но приобрести их для нас естественно, а благодаря приучению мы в них совершенствуемся» [1, с. 78]. По Платону, вожделеющее начало «составляет большую часть души каждого человека и по своей природе жаждет богатства. За ним надо следить, чтобы оно не умножилось и не усилилось за счет так называемых телесных удовольствий и не перестало бы выполнять свое назначение: иначе оно может попытаться поработить и подчинить себе то, что ему не родственно, и таким образом извратить жизнедеятельность всех начал» [2, с. 177].

Крутость же всегда была явлением порицаемым и маргинальным, но, тем не менее, притягательным. То есть, человек, к которому может относиться характеристика «крутость» – это смелая, решительная, склонная к риску личность. Однако, эти эпитеты подчеркивают сугубо характерологические особенности крутости. Кроме этого, важным моментом является такой психологический нюанс, как зрелищность в созерцании восприятия носителя такой характеристики, как «крутость». Крутость – это порыв, это демонстративность, но, вместе с тем, это готовность к провалу. Крутость – это умение замечать свои эмоции в моменте, и в то же время, нечеткое понимание границ других людей. Таким образом, понятие «добродетель» с определенной стороны противопоставляется понятию «крутость». Добродетель – это нравственное свойство человека, которое определяется его волей и поступками. Также добродетель представляется как категория, предполагающая самодостаточность человека, возникающую на основе победы познающего ума над аффектами. Говоря о крутости, можно видеть, что она выражается именно в аффективных состояниях. Этот аспект крутости и служит моментом ее неприятия как на уровне повседневности, так и на уровне культуры. Если добродетельным человек быть *обязан*, то крутым он быть *хочет*.

Как же понимается крутость в массовой культуре (и массовом сознании)? Основные ее особенности совпадают с положительными чертами главных героев приключенческой и детективной литературы Запада (по Б. Райнову): беспредельная смелость, непогрешимая

проницательность, невероятная ловкость, любовь к риску, атлетическое телосложение, мужественная, красивая внешность и феноменальная сексуальная энергия [4, с. 194]. Также можно заметить, что крутость – понятие внешнее и *телесное*.

Переходя к анализу такого явления как крутость, и причин его популярности в западной массовой культуре (а через нее – и в других культурах), можно сказать следующее. Можно видеть, что противопоставление понятия «крутость» понятию «добродетель» лишь кажущееся. Суть этого противопоставления состоит в том, что концепт «крутость» вбирает в себя такие психологические особенности, как мужественность, склонность к риску, самодостаточность, помогающая противостоять стереотипам. Добродетель, несмотря на ее акцент на «долженствовании», предполагает свободные преднамеренные действия, в результате которых индивид принимает риск в воплощении собственных жизненных позиций в жизнь. Концепт «крутость» также предполагает, как уже было сказано, решительность, выбор, быстроту реакции, но и не исключает ответственности. Таким образом, основной момент отличия понятий «добродетель-крутость» состоит в опоре на разные источники: добродетель опирается на разумный аспект сознания, крутость – на аффективный.

Отдельным моментом следует рассмотреть взаимодействие категорий «крутость» и «моральность». Современный автор И. Погодин, изучающий гештальт-подход и его участие в разных социальных процессах, отмечает, что «мораль превратилась, метафорически выражаясь, в некоторую форму культурного вируса. Современный человек сейчас уже не осознает обоснованность правил морали, которыми руководствуется ежедневно» [3, с.41]. Крутость в современном мире пытается оспаривать правила морали, критикуя не всегда целесообразные постулаты, лежащие в их основе. Крутость предполагает отсутствие интроективного действия морали как ограничителя в смысле пассивного долженствования. В то же время, крутость сохраняет моральный аспект в его содержательно-этической части.

Крутость возвращает человеческие ценности, помогает существовать в современном мире в более подлинном и менее отчужденном виде. Правильнее было бы сказать, что изначально присущее человеческому роду стремление к привлекательной, интересной и насыщенной жизни, долгое время подавлявшееся в угоду умозрительным идеалам, в настоящее время имеет возможность проявиться. И это проявление даже становится обязательным.

Зачатки явления, которое позже будет названо крутостью, мы встречаем на протяжении всей истории человечества. Они подавлялись и игнорировались, так как общепринятая мораль делала акцент на подавлении эмоций, духовном совершенствовании, аскетизме. Только в XX веке, с появлением, «бумеров» - представителей первого послевоенного поколения, оно стало осознаваться как отдельное самостоятельное явление, к которому можно и нужно стремиться. В рационализированном западном мире крутость возвращает человеку эмоции и подлинные человеческие ценности, также она выступает как голос телесного, также длительное время подавлявшегося. Исходя из вышеизложенного анализа проявлений крутости и ее восприятия массами, можно видеть, что противопоставление понятия «крутость» понятию «добродетель» лишь кажущееся. Суть этого противопоставления состоит в том, что концепт «крутость» вбирает в себя такие психологические особенности, как мужественность, склонность к риску, самодостаточность, помогающая противостоять стереотипам. Добродетель, несмотря на ее акцент на «долженствовании», предполагает свободные преднамеренные действия, в результате которых индивид принимает риск в воплощении собственных жизненных позиций в жизнь. Концепт «крутость» также предполагает, как уже было сказано, решительность, выбор, быстроту реакции, но и не исключает ответственности. Таким образом, основной момент отличия понятий «добродетель-крутость» состоит в опоре на разные источники: добродетель опирается на разумный аспект сознания, крутость – на аффективный.

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель // Сочинения в 4-х т. – Т. 4. – М.:

Мысль, 1983. – 830 с.

2. Платон Государство / Платон // Избранное. – М.: АСТ; Харьков: 2007. – 491 с. – С. 37–384.

3. Погодин І. Модерно-постмодерне суспільство та психічна норма: труднощі діагнозу // Форум психіатрії та психотерапії ФПДО Львівського національного медичного університету Д. Галицького, 2013. – том 13. – С.38–43.

4. Райнов Б. Черный роман / Б. Райнов. – М.: «Прогресс», 1975. – 287 с.

5. Слученко Л. Молодежные субкультуры: украинский контекст / Л. Слученко. – СМІЛ, 2007. – 64 с.

ПЕРФОРМАТИНІ ВИМІРИ СУЧАСНОЇ ПУБЛІЧНОЇ ФІЛОСОФІЇ

Лігус М. В.

Київський національний університет імені Тараса Шевченка, м. Київ

Із часу свого виникнення філософія постає як практика. Так, із VI ст. до н.е. у Стародавній Греції філософія виникає не як сукупність строгих теоретичних знань, а радше як спосіб життя, практика, відкрита для участі громадян античних полісів, що у спільній комунікації ставили і намагалися відповісти на питання взаємозв'язку світу і людини, людини і суспільства, цінностей і чеснот тощо. Розуміння філософії як публічної справи пошуку спільного блага стає ще більш релевантним сьогодні завдяки практичному і перформативному повороту середини ХХ століття. Окрім теоретичних зусиль осмислити ці теми, публічні філософські заходи є практичними спробами реалізації ефективної публічної комунікації, що можуть мати ознаки перформансу або ж використовувати перформанс як медіум.

Сучасна публічна філософія виникає як реакція на професіоналізацію філософії у середині ХХ ст., коли, згідно з Річардом Рорті, під гаслом автономії філософії від інших наук і культури, філософія замикається у собі [Rorty R. Professionalized philosophy and transcendentalist culture / Richard Rorty // The Georgia Review. – 1976. – Vol. 30, №4. – P. 760]. Сучасна публічна філософія є, таким чином, тенденцією виведення філософського дослідження і критики у суспільну площину з метою відповіді на глобальні та локальні виклики, з якими стикається сучасне суспільство. Ключовою рисою публічної філософії, що відрізняє її від академічної філософії, є її вихідна мета залучення до практики філософії широкої аудиторії, аби процес філософування не замикався у межах академічної спільноти.

Можна виокремити три підходи у межах публічної філософії і відповідно три способи її інтерпретації: польову філософію (field philosophy), а також популярну і активістську філософію [Burroughs M. Toward engaging a broader public: children and public philosophy [Електронний ресурс] / Michael Burroughs // Public Philosophy Journal. – 2018. – Режим доступу до ресурсу: <https://publicphilosophyjournal.org/full-record/?amplificationid=1425.>]. Польова філософія є трансдисциплінарним і проблемно-орієнтованим підходом, у межах якого піднімаються суспільно значливі проблеми, що виникають у різних галузях діяльності та знання. Популярна філософія має на меті запрошення до філософування широкої аудиторії через доступний формат такої спільної дії. Зрештою, активістська філософія підпорядковує філософські методи і знання соціальним і політичним цілям з метою трансформації соціальної дійсності. Форматами кожного із цих напрямів можуть бути публічні філософські дискусії, дебати, колоквиуми та симпозіуми, лекції, публічне читання і обговорення філософських текстів тощо. У таких форматах заходів, філософ виступає не як експерт із беззаперечним авторитетом, а як освічений учасник комунікації на рівні з іншими.

Означені три напрями публічної філософії корелюють із ідеєю філософського перформансу. Так, публічна філософія загалом є інклюзивною практикою, спрямованою на суспільний діалог. Окрім того, самопрезентація учасників є ключовою у такому форматі комунікації, метою якої є водночас і трансмісія інформації, і колективне творення, і перетворення соціальної дійсності. Колективне творення і перегляд суспільних норм